

УДК 001 + 378

ББК 72.3 + 87

О. Б. Куликова

НАУКА И ИДЕЯ КЛАССИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ ОБЪЕКТИВАЦИИ НА РОССИЙСКОЙ ПОЧВЕ

В статье прослеживается история становления отечественного университета через призму развития науки в России. Сравниваются университетские и научные парадигмы российского и западного классических университетов. Раскрывается специфика имплементации идеи классического университета на российской почве. Особое внимание обращено на процессы самоорганизации в рамках университетской (преподавательской и научной) жизни. Делается вывод о влиянии научных оснований — принципов объективности, рациональности, системности, открытости, наднациональности — на глобализацию университетской деятельности.

Ключевые слова: *наука, классический университет, М. В. Ломоносов, Вильгельма фон Гумбольдт, Российская академия наук, самовоспроизводящая структура.*

O. B. Kulikova

SCIENCE AND THE IDEA OF CLASSICAL UNIVERSITY: PARADOXICALITY OF THE RUSSIAN OBJECTIVATION

The article traces the history of the native university formation in the light of the development of science in Russia. University and Scientific paradigms of Russian and Western classical universities are compared. The specificity of the implementation of the classical university idea in Russian culture is disclosed. Particular attention is paid to the processes of self-organization within the university (teaching and research) life. The author comes to conclusion that the impact of the scientific principles of objectivity, rationality, consistency, transparency, meta-nationality over the globalization of university activity is huge.

Keywords: *science, classical university, M. V. Lomonosov, Wilhelm von Humboldt, Russian Academy of Sciences, self-perpetuating structure.*

Куликова Ольга Борисовна [Olga B. Kulikova] — кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии. Ивановский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина [Ivanovo State Power University named after V. I. Lenin]. E-mail: kulickovaolg@yandex.ru.

Материал поступил в редакцию 23.04.2016; рекомендован к публикации 1.10.2016. Рецензент от редакционной коллегии журнала — доктор философских наук Смирнов Дмитрий Григорьевич.

Университеты возникли в свое время как корпорации, подобные ремесленным цехам, предназначенные служить интересам общества в его отношениях с универсумом. Возникли они в крупных европейских городах как естественное следствие эпохи «интеллектуального бродяжничества» (термин Жака Ле Гоффа) и повышения ценности знаний, когда сила слова постепенно стала рассматриваться предпочтительной перед силой физической и когда стены монастырских школ стали тесными для подлинного интеллектуала. Семь свободных искусств получили статус умной техники, предназначенной для делания, — *Ars est recta ratio factibilium* — интеллектуал становится ремесленником [2, с. 53]. «Университетский цех» органично вошел в жизнь средневековой цивилизации.

К концу XVIII века европейские университеты существенно растратили былой авторитет и представляли собой уже нечто архаично-догматичное, идущее вразрез с устремлениями динамичной эпохи Просвещения. В тот момент, как справедливо подчеркнул один из специалистов в «университетском вопросе» В. А. Куренной, университет преимущественно пытается сохранять себя «в качестве островка сословно-цехового Средневековья» и по-прежнему «стремится удерживать монополию на знание, настаивая на своих стародавних свободах и привилегиях» [10, с. 188]. Однако логика истории вела этот институт к своеобразному историческому «часу икс».

В свою очередь, в XVII—XVIII веках все более заметной становится интеллектуальная роль европейских академий наук, которые институционально не были связаны с университетами и не являлись прямым продуктом их деятельности. Нарождавшаяся наука как сфера профессиональной познавательной деятельности в интересах общества, тем не менее, объективно не могла не нуждаться во взаимодействии с университетской сферой. Для университета «научная прививка» была важна как способ обновления и самосохранения и оказалась, надо признать, еще более значимой, чем для науки. Таким образом, возник уникальный исторический шанс для единения двух интеллектуальных сфер, выражавших собой до этого не просто разные, но в некотором смысле даже альтернативные традиции [См.: 2, с. 146—152].

В XVIII—XIX веках усилиями европейских просветителей, в первую очередь Вильгельма фон Гумбольдта, был разработан проект классического университета, в основание которого был положен принцип научности. В гумбольдтовском меморандуме 1810 года «О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине» предусматривалась интеграция иссле-

довательской и преподавательской деятельности при установлении адекватного для этого уровня свободы исследований. Внедрение науки в образовательную среду, по мысли Гумбольдта, выражает собой потребность самой культуры в глубоком и целостном развитии личности. Автор классического проекта подчеркивал, что «только произрастающая изнутри и могущая проникнуть в глубину личности наука преобразовывает человеческий характер» [3, с. 6].

Гумбольдтовская модель университета постепенно стала внедряться по всей Европе, включая и Россию. Она предполагала в общем и целом использование научных знаний как содержательной основы обучения и научного подхода в организации учебного процесса, включение в обучение элементов исследования и придание целостности и непрерывности университетской подготовке. А необходимый и естественный для науки (сферы поиска объективного знания) режим открытости влиял на весь характер университетской жизни, в соответствии с которым осуществлялось «производство либерального, рассудочного субъекта» [см.: 18, с. 22].

На университет возлагалась весьма широкая общественная миссия. Оценивая последнюю, Б. Ридингс в своей знаменитой монографии «Университет в руинах» подчеркивал, что классический университет сыграл существенную роль в общечеловеческом историческом проекте культуры, построенном мыслителями Просвещения [18, с. 16]. При этом реальная история классического университета показала, что, определяя себя именно «в перспективе исторического развития, укрепления и распространения национальной культуры» [18, с. 17], он способствовал и взаимообогащению культур. Его ориентация на сохранение национальных духовных традиций, а значит, предотвращение унификации и обеднения мировой культуры, обеспечивала в равной мере и кросс-культурное взаимодействие. Причем, прививкой от культурно-национальной замкнутости служила именно научная (исследовательская) деятельность, которая в силу своей природы наднациональна.

Наука в России возникла, как известно, в условиях, которые нельзя считать адекватными социокультурному назначению и когнитивным характеристикам этой духовной системы. Культурно-историческая аномальность науки для России XVIII века была подчеркнута почти полным безразличием или недоверием к ней со стороны многих устоявшихся общественных институтов, и в первую очередь со стороны православной церкви. Рождению европейской науки способствовал, как известно, господствовавший в культуре Нового времени

рационалистический дух. С подачи создателей проекта науки (Р. Декарта в особенности), именно разуму вменялись функции критичности, рефлексивности и ответственности, необходимые для осуществления объективного (достоверного) познания [7, с. 203—210].

В России XVIII века трудно было ожидать наличия таких представлений и установок. Хотя, безусловно, реформы Петра I и, прежде всего, организация научной академии по западному типу (с приглашением лучших ученых Европы) не могли не послужить мощным толчком к последующему расцвету феномена отечественной науки. В момент учреждения Петербургской академии наук основная масса населения не только не владела грамотой, но и чаще негативно была настроена к людям образованным. Только при Петре I были открыты первые светские (нецерковные) школы преимущественно начального уровня и прикладного (технического) характера. О научности как принципе их деятельности говорить не приходится.

Университетское же образование утверждалось в российской жизни независимо от сферы школьной подготовки, но при определенном, особенно в начальный период, влиянии научной академии. Последнее обстоятельство самым существенным образом отличало становление российского университета от западноевропейского. Но это, правда, совсем не означало, что научность изначально и естественным образом вращалась в российское университетское образование.

Укоренение научности в университетской подготовке первоначально зависело от героических личных усилий отдельных энтузиастов. К их числу надо отнести, например, знаменитого покровителя Московского университета графа И. И. Шувалова, а главное, безусловно, М. В. Ломоносова как родоначальника самой идеи его организации. Здесь, конечно, нельзя не учитывать то, что сам русский ученый прошел подготовку и в немецких университетах. Известно, что в проекте, составленном для императрицы графом Шуваловым, специально не предусматривалось становление университета как *научно-образовательного* учреждения. По мнению исследователей, «Шувалов едва ли мог в принципе серьезно думать о Московском университете как о центре прежде всего *научном*. Однако тем больше чести делает ему внимание к советам разночинца М. В. Ломоносова, который выступал именно как практик науки, прежде всего — как естествоиспытатель. Он постоянно проводил мысль о том, что университет предназначен для получения именно теоретических, *базовых* знаний»

[9, с. 142]. Интересно и то, что ломоносовский проект предшествовал проекту В. фон Гумбольдта, и, можно сказать, предвосхищал (даже в чем-то превосходил) его главные положения.

Традиции российской культуры не были, как уже отмечалось, органичны духу науки. Например, у геометрии вообще не было предшественника на русской почве (землемерные рукописи явно не годились как предпосылка этой науки). Русский язык в известном смысле противился введению научной терминологии. Иностранные понятия приживались с большим трудом, часто они переносились в весьма тяжеловесных вариантах как калька с европейских языков. Как отмечают исследователи, вводимые «соответствия часто бывали неточными», и «жизненностью такие слова не обладали» [11, с. 33]. Так, если термин «арифметика» благодаря учебнику Л. Ф. Магницкого (1703) довольно быстро утвердился в употреблении (правда, иногда употреблялся наряду со своим синонимом «цифирь»), то дисциплинарная родственница арифметики алгебра получила неблагозвучную замену — «арифметика литеральная» [11, с. 14]. Интересны русские замены некоторых понятий: «пропорция» — «равномерие», иногда «равномерство» [11, с. 26—28]; «наклонная плоскость» — «плоскость наклоненная», или «равнина наклонная» [11, с. 39]; «куб» — «костка», «конус» — «шишка», «овал» — «яичное» или «яичная фигура» [11, с. 49] и т. п. Но надо отметить, что большинство таких калькированных форм (особенно в области математики) прочно вошло затем в русский язык, как то «числитель», «знаменатель», «делитель» и другие [11, с. 11—12, 80]. Обратившийся к этой проблеме в своем «Очерке истории русской философии» Г. Г. Шпет, подчеркивал, что в связи с отсутствием в России своего языка науки, «долго еще приходилось пользоваться языками чужими, а переводная литература тем медленнее переходила к настоящему русскому языку, что значительную часть работников для нее поставляла духовная школа с ее понятною склонностью к пользованию языком церковного обихода» [20, с. 310].

Отметим огромный вклад М. В. Ломоносова, который целенаправленно разрабатывал русскую научную терминологию. К терминам, введенным в научный обиход именно Михаилом Васильевичем относятся: «атмосфера», «термометр», «формула», «упругость», «чертеж», «земная ось», «преломление лучей» и другие [19, с. 129]. Он, надо отметить, размышлял и над проектом языковой реформы в России. Позже Пушкин отмечал эту особенность русского языка своего времени — его неподатливость для употребления научного и фи-

лософского. Он писал в этой связи: «У нас ещё нет ни словесности, ни книг, все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке; <...> Учёность, политика и философия ещё по-русски не изъяснялись — метафизического языка у нас вовсе не существует; проза наша так мало ещё обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных; и леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы уже давно готовы и всем известны» [17, с. 14].

С трудом вводились в научный и образовательный обиход теоретические обобщения. Были попытки и вовсе отказаться от теоретических основ всех наук, а использовать только то, что приносило реальную практическую пользу (кораблестроение, производство оружия, картография). Это обстоятельство серьезно препятствовало и развитию полноценных научных исследований, и утверждению университетской автономии (преодолению зависимости от ведомственных регламентаций), и, как следствие, системности получаемой подготовки.

Петербургский университет, попытка учреждения которого в XVIII веке в рамках деятельности самой академии наук оказалась неудачной, стал реальностью лишь в начале XIX века. Специалисты отмечают некоторое сходство его возникновения с учреждением Берлинского университета. Известный специалист в области истории университетского образования А. Ю. Андреев в этой связи пишет, что оба они явились первыми столичными университетами в своих странах, «созданными позже других и с учетом позитивного и негативного опыта уже существовавших университетов. И тот и другой рассматривались основателями в тесном взаимодействии с национальными Академиями наук» [1, с. 442].

Среди первых шагов, которые внесли в университетскую деятельность элементы научности, было написание и издание М. В. Ломоносовым первых вузовских учебников (на русском языке), отличавшихся высоким уровнем теоретичности [19, с. 127]. Он последовательно добивался также единения теоретической и экспериментальной деятельности, видя в этом главное основание подлинно научного познания, т. е. подлинного поиска истины. «Из наблюдений устанавливать теорию, чрез теорию исправлять наблюдения — есть лучший способ к изысканию правды», — подчеркивал великий ученый [12, с. 163]. Собственно научная деятельность в рамках академии наук, контролируемой непо-

средственно и исключительно государством (т. е. фактически чиновниками), сталкивалась с неизбежными трудностями. Сказывалась на деятельности академии нестабильность политической ситуации в России. В течение всего XVIII века она являлась фактически «разменной монетой» в политических играх, связанных с частыми дворцовыми переворотами, когда внимание к ней было крайне несистематичным, что особенно касалось финансирования. С другой стороны, и само академическое сообщество оказывало довольно слабое влияние на другие социальные институты. Открытые при академии университет и гимназия оказались в тот момент нежизнеспособными. Русских там практически не было, а число учащихся неуклонно сокращалось. Об этом подробно и весьма ярко писал, например, П. Н. Милюков в известном труде «Очерки по истории русской культуры» [14, с. 258—262].

В открывшемся в 1755 году Московском университете дело обстояло несколько иначе. Он по составу учащихся (и это стало во многом заслугой М. В. Ломоносова) оказался довольно демократичным: там начали обучение дети солдат, дьячков и других социальных групп. Ломоносов, добиваясь принятия такой социальной нормы в университете, понимал, что русское дворянство весьма пренебрежительно настроено к публичному обучению, предпочитая ему домашнее.

Одной из самых серьезных проблем для развития науки в России было отсутствие в сфере исследований преемственности. М. В. Ломоносову, например, так и не удалось создать своей научной школы ни в одной из отраслей познания. Как точно выразился Г. Г. Шпет, Ломоносов в Европе «учился, чему нужно было, вернулся и стал учить тому, что никому не нужно было, и только к 200-летнему юбилею его потомки догадались, кто у нас "собственный Нектон"» [20, с. 313]. Надо отметить, что и режим секретности, узаконенный государством в деятельности академии наук, также существенно усложнял занятия научными поисками.

Статус ученого в обществе в целом был незначительным, по сравнению с государственными чиновниками или военными и даже литераторами. Должность профессора как предел карьерного роста в этой области соответствовала 7 классу по профессионально-сословной классификации «Табели о рангах» [1, с. 312]. Это хотя и давало возможность получить дворянство, но соответствовало лишь уровню армейского капитана и представителя низшей исполнительной должности в губернской канцелярии. Не случайно, Н. И. Пирогов высту-

пал с идеей отмены для университетов этой иерархической системы, видя в ней одно из главных препятствий научному творчеству [16, с. 20—21].

Препятствием духу научности в университете было и отсутствие своеобразной санкции со стороны общественного мнения на систематическую исследовательскую деятельность, как это происходило в европейских условиях. Надо отметить, что и сам институт общественного мнения в России формировался благодаря той атмосфере, которая оформилась в 1770-е годы именно Московским университетом. Он сыграл важную роль в возникновении в России новых сообществ (литературных и просветительских кружков), подобных возрожденческим объединениям гуманистов. Исследователи подчеркивают: «Новые формы интеллектуальной жизни и общения начинают появляться в Москве на просветительской основе, и именно в университетской среде обретают почву объединения нового типа» [9, с. 149]. Участниками их, как, например, и известного просветительского кружка Н. И. Новикова, в первую очередь были университетские преподаватели и отчасти студенты. В них постепенно зарождаются элементы свободомыслия.

Одним из ключевых условий, а точнее, критериев научности университетского образования следует рассматривать наличие механизма самовоспроизводства всех его элементов — как форм получения знаний, так и методик преподавания. О начале формирования такого механизма в Московском университете можно говорить примерно со второго десятилетия его существования. «Постепенно университет становился обособленной "самовоспроизводящей" структурой»: в апреле 1759 года студентами стали впервые не ученики духовных училищ и семинарий, а выпускники собственных гимназий; к концу XVIII века в университете появились и "свои" профессора, пришедшие на смену иностранным» [9, с. 157].

Московский университет изначально не обладал правом присваивать научные степени, чем отличался от западноевропейских аналогов. Лишь в конце XVIII — начале XIX века ситуация изменилась: была присуждена первая научная степень в российском университете российскому ученому-физиологу Ф. И. Барсук-Моисееву, который и образование получил на медицинском факультете Московского университета. «Он не только дважды прослушал полный курс физиологии и специально изучал эту науку под руководством М. И. Скиадана (профессора, получившего сугубо западное образование — О. К.), но и выполнил самостоятельное научное физиологическое исследование, по резуль-

татам которого подготовил и в 1794 году защитил докторскую диссертацию» [15, с. 6].

Интересны формальные обстоятельства утверждения научности в университетской деятельности. Так, в университетском уставе 1804 года была утверждена (практического воплощения почти не получившая) автономия университета, а также и необходимость соединения в нем научной и образовательной деятельности. В частности, указывалось, что профессора должны способствовать усовершенствованию знаний, ежемесячно готовить научные доклады для обсуждения на Совете университета, профессорам предоставлялось и право выбора системы преподавания [1, с. 319]. В этот устав, по авторитетному свидетельству историка А. Ю. Андреева, «вошли требования к желающим занять должности профессоров и адъюнктов представлять свои сочинения — т. е. законодательно закреплены научные критерии к замещению профессорских должностей, означавшие, что эффективность преподавания в университете оценивалась именно с точки зрения участия профессоров в научном процессе» [1, с. 322].

Следует отметить, что собственно исследовательская деятельность на российской почве складывается первоначально в сфере социогуманитаристики (исторической науки, в особенности). Она постепенно получала и общественное одобрение, которое в тех условиях имело серьезное значение для становления любого социального института. В этой связи исследователи справедливо отмечают: «Лекции таких выдающихся ученых и педагогов, как Т. Н. Грановский, Н. И. Костомаров, А. П. Щапов и других, сообщали развитию социального знания мощный теоретический и нравственный импульс. Влияние на выбор проблем для научного исследования оказывал и такой фактор, как активное участие профессоров и студентов в общественной жизни страны» [8, с. 133].

Безусловным образцом собственно *научного подхода* в области исторического познания стал фундаментальный труд С. М. Соловьева «История России с древнейших времен» (1851—1879). Его ученик и также знаменитый историк В. О. Ключевский подчеркивал, что С. М. Соловьев стремился в первую очередь построить объяснение историческим явлениям, а точнее, показать генезис и преемственность социально-политических форм на конкретном историческом материале [5, с. 503—504]. Сергей Михайлович принял парадигму исторического познания, сложившуюся в европейских научных школах, где он получил первоначальную подготовку. Парадигма эта предписывала мыслить историю

как целое, в чем и состояло достижение главной цели научного исследования — цели объяснения. В соответствии с научными принципами, как вспоминает В. О. Ключевский, Сергей Михайлович строил и свои университетские лекции, в ходе которых «с кафедры слышался не профессор, читающий в аудитории, а ученый, размышляющий вслух в своем кабинете» [6, с. 517]. Эту тенденцию в развитии русской исторической науки, в свою очередь уже усилил сам В. О. Ключевский, внося в нее известный дух позитивизма, а значит, и тяготение к социологии (эмпирической, особенно). В подтверждение тому можно привести такое его суждение об историческом исследовании: «Содержанием истории, как отдельной науки, специальной отрасли научного знания служит исторический процесс, т. е. ход, условия и успехи человеческого общежития или жизнь человечества в ее развитии и результатах» [4, с. 14].

С середины XIX века в России в целом складывается классическая модель университетского образования, ориентированного именно на науку. Несколько парадоксально в этом плане становится ситуация внутри самой Академии наук. В ее деятельности начинают обнаруживаться признаки некоторого упадка. Академия функционировала в качестве привилегированного государственного учреждения, все более замыкавшегося на самое себя. Свободная исследовательская активность переместилась преимущественно в стены университетов. Д. И. Менделеев, отмечая это, в 1880-е годы писал: «Академия как учреждение закрытое, как корпорация, назначенная, так сказать, для домашнего развития знаний, отжила свой век и предназначена к падению и должна быть заменена какой-то другой» [13, с. 235]. Опыт развития Академий на Западе к тому времени показал, что они эффективны в форме, которая и в России получила массовое развитие, но уже вне академии — в форме специфических добровольных ученых обществ, поддерживаемых и государством и частной инициативой. В конце XIX века в России их были сотни. Они самоорганизовывались на началах, которые не имели отношения ни к политическим предпочтениям, ни к экономической выгоде, они вполне могли бы стать в будущем важнейшим институтом, в рамках которого цели гражданского общества и цели науки находили бы взаимное согласование. Однако, их судьба, а также и многих других российских институтов сложилась иначе.

Сформировавшийся за полтора столетия на отечественной почве союз науки и образования, войдя в фазу советской истории в XX веке, в целом показал себя на достойном мировом уровне. Сейчас принято много говорить о кри-

зисе научно-образовательной сферы в России. Думается, проблемы ее современного существования имеют свои корни в прошлом, прежде всего в эпохе ее зарождения. Их решение не может состояться без учета того, как в отечественном университетском образовании происходило утверждение научных оснований — принципов объективности, рациональности, системности, открытости, наднациональности, которые, в свою очередь, обусловили неизбежные тенденции глобализации университетской деятельности и включенности в них отечественного университетского корпуса.

Библиографический список

1. *Андреев А. Ю.* Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.
2. *Гофф Ле Ж.* Интеллектуалы в Средние века. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 160 с.
3. Гумбольдт фон В. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // *Неприкосновенный запас*. 2002. № 2 (22). С. 5—10.
4. *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. 831 с.
5. *Ключевский В. О.* С. М. Соловьев как преподаватель // *Исторические портреты. Деятели исторической мысли*. М.: Правда, 1990. С. 514—522.
6. Ключевский В. О. Сергей Михайлович Соловьев // *Исторические портреты. Деятели исторической мысли*. М.: Правда, 1990. С. 499—513.
7. *Косарева Л. М.* Рождение науки Нового времени из духа культуры. М.: Институт психологии РАН, 1997. 358 с.
8. *Кукушкина Е. И.* Университеты и становление социологического образования в России // *Социологические исследования*. 2002. № 10. С. 130—138.
9. *Кулакова И.* У истоков высшей школы. Московский университет в XVIII веке // *Отечественные записки*. 2002. № 2. С. 135—158.
10. *Куренной В. А.* Университетская корпорация // *Неприкосновенный запас*. 2006. № 4-5 (48-49). С. 185—193.
11. *Кутина Л. Л.* Формирование языка русской науки: Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века. М.-Л.: Наука, 1964. 219 с.

12. Ломоносов М. В. Рассуждение о большей точности морского пути, читанное в публичном собрании императорской Академии Наук мая 8 дня 1759 года господином коллежским советником и профессором Михаилом Ломоносовым // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 4. М.-Л.: АН СССР, 1955. С. 123—186.
13. Менделеев Д. И. Какая же Академия нужна России? // Менделеев Д. И. Границ познанию предвидеть невозможно. М.: Сов. Россия, 1991. С. 220—265.
14. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. Т. 2. Ч. 2. М.: Издательская группа «Прогресс-Культура», 1994. 496 с.
15. Пальцев М. А., Сточик А. М., Затравкин С. Н. Физиология и ее преподавание на медицинском факультете в XVIII веке // Вестник Российской Академии наук. 2008. Т. 78. № 7. С. 635—641.
16. Пирогов Н. И. Университетский вопрос. Дополнение к замечаниям на проект нового устава Императорских Российских университетов. Санкт-Петербург: Типография Иосафата Огризко, 1863. 85 с.
17. Пушкин А. С. О причинах, замедливших ход нашей словесности // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 7. Критика и публицистика. Л.: Наука, 1958. С. 14—15.
18. Ридингс Б. Университет в руинах / Пер. с англ. А. М. Корбута. М.: Изд. дом гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 304 с.
19. Северикова Н. М. Рассеять тьму «мрачной ночи невежества». Реформы М. В. Ломоносова в области образования и воспитания // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 127—131.
20. Шпет Г. Г. Очерки развития русской философии в 2 томах. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2008. 592 с.

References

1. Andreev A. Iu. Rossiiskie universitety XVIII — pervoi poloviny XIX veka v kontekste universitetskoj istorii Evropy. M.: Znak, 2009. 640 s.
2. Goff Le J. Intellektualy v Srednie veka. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2003. 160 s.
3. Humboldt von W. O vnutrennei i vneshnei organizatsii vysshikh nauchnykh zavedenii v Berline // Neprikosnovennyi zapas. 2002. № 2 (22). S. 5—10.
4. Kliuchevskii V. O. Russkaia istoriia. Polnyi kurs lektsii. M.: OLMA-PRESS Obrazovanie, 2004. 831 s.

5. *Kliuchevskii V. O.* S. M. Solov'ev kak prepodavatel' // Istoricheskie portrety. Deiateli istoricheskoi mysli. M.: Pravda, 1990. S. 514—522.
6. *Kliuchevskii V. O.* Sergei Mikhailovich Solov'ev // Istoricheskie portrety. Deiateli istoricheskoi mysli. M.: Pravda, 1990. S. 499—513.
7. *Kosareva L. M.* Rozhdenie nauki Novogo vremeni iz dukha kul'tury. M.: Institut psikhologii RAN, 1997. 358 s.
8. *Kukushkina E. I.* Universitety i stanovlenie sotsiologicheskogo obrazovaniia v Rossii // Sotsiologicheskie issledovaniia. 2002. № 10. S. 130—138.
9. Kulakova I. U istokov vysshei shkoly. Moskovskii universitet v KhVIII veke // Otechestvennye zapiski. 2002. № 2. S. 135—158.
10. *Kurennoi V. A.* Universitetskaia korporatsiia // Neprikosnovennyi zapas. 2006. № 4-5 (48-49). S. 185—193.
11. *Kutina L. L.* Formirovanie iazyka russkoi nauki: Terminologiia matematiki, astronomii, geografii v pervoi treti XVIII veka. M.-L.: Nauka, 1964. 219 s.
12. *Lomonosov M. V.* Rassuzhdenie o bol'shei tochnosti morskogo puti, chitannoe v publichnom sobranii imperatorskoi Akademii Nauk // Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenii: v 11 t. T. 4. M.-L., 1955. S. 123—186.
13. *Mendeleev D. I.* Kakaia zhe Akademiia nuzhna Rossii? // Mendeleev D. I. Granits poznaniuu predvidet' nevozmozhno. M.: Sov. Rossiia, 1991. S. 220—265.
14. *Miliukov P. N.* Ocherki po istorii russkoi kul'tury: v 3 t. T. 2. Ch. 2. M.: Izdatel'skaia gruppa «Progress-Kul'tura», 1994. 496 s.
15. *Pal'tsev M. A.* i dr Fiziologiia i ee prepodavanie na meditsinskom fakultete v XVIII veke // Vestnik Rossiiskoi Akademii nauk. 2008. № 7. S. 635—641.
16. *Pirogov N. I.* Universitetskii vopros. Dopolnenie k zamechaniiam na proekt novogo ustava Imperatorskikh Rossiiskikh universitetov. Sankt-Peterburg: Tipografiia Iosafata Ogrizko, 1863. 85 s.
17. *Pushkin A. S.* O prichinakh, zamedlivshikh khod nashei slovesnosti // Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: v 10 t. T. 7. L.: Nauka, 1958. S. 14—15.
18. *Ridings B.* Universitet v ruinakh / Per. s angl. A. M. Korbuta. M.: Izd. dom gos. un-ta Vyssei shkoly ekonomiki, 2010. 304 s.
19. *Severikova N. M.* Rasseiat' t'mu «mrachnoi nochi nevezhestva». Reformy M. V. Lomonosova v oblasti obrazovaniia i vospitaniia // Voprosy filosofii. 2011. № 11. S. 127—131.
20. *Shpet G. G.* Ocherki razvitiia russkoi filosofii v 2 tomakh. T. 1. M.: ROSSPEN, 2008. 592 s.